

«ПОДВИГ НЕ СОВЕРШАЕТСЯ САМ ПО СЕБЕ»

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЕФРОСИНИ БУРКИНОЙ

Валентина Склеенова

Ефросинья Васильевна Буркина.
Директор краеведческого музея

Эти слова нашего замечательного земляка — космонавта Юрия Гагарина можно полностью отнести к судьбе Ефросиньи Васильевны Буркиной. Смоленщина и отечественная культура обязаны этой женщине спасением во время Великой Отечественной войны наиболее ценной части коллекции областного краеведческого музея, а также сохранением в начальный период эвакуации коллекции Ленинградского музея этнографии.

Ефросинья Васильевна родилась 26 декабря 1906 года в деревне Кожаново Сычевского уезда Смоленской губернии в бедной крестьянской семье. Безграмотные родители только ее, младшую, смогли послать учиться. Она принадлежала уже к тому поколению людей, которые получили образование благодаря советской власти.

Закончив школу 2-й ступени и Бельский педагогический техникум с дипломом учительницы, она 5 лет проработала в начальной школе и школе рабочей молодежи в деревне Кузьмино. С молодым задором и страстью она включилась в педагогическую работу по ликвидации неграмотности в среде молодежи. С учителями школы для детей организовала драмкружок, читала лекции, проводила беседы. Репетиции, чтение вслух, выступления в самодеятельных спектаклях духовно обогащали молодежь, помогая преодолевать усталость от тяжелого труда, бедность, пьянство...

Энергичную одаренную учительницу быстро заметили. В сентябре 1930 года выдвинули на должность директора Сычевского районного художественно-краеведческого музея. До 1941 года это был один из самых крупных музеев Смоленской области, в нем находилось более 5 тысяч экспонатов, которые полностью погибли в пе-

риод оккупации. Это назначение определило ее дальнейшую судьбу. Новая работа потребовала новых знаний. Музеи Ленинграда стали ее школой. Целые дни с блокнотом в руках проводила молодая провинциалка в залах в музеях. Сотрудники Эрмитажа выписали ей пропуск в музей, познакомили с реставрацией экспонатов, допустили в «святая святых» — фонды, где Буркина изучала правила учета и хранения. Помимо Эрмитажа она часто посещала музей этнографии.

В Сычевской городской библиотеке, которая до войны располагала уникальными изданиями из имений Шереметьевых, Паниных, Мещерских, изучая альбомы, книги, гравюры, Ефросинья Васильевна приобрела обширные знания по истории и искусству.

Как и в школе, в Сычевском музее она создала различные краеведческие кружки для школьников и молодежи, проводила экскурсии, читала лекции, организовывала передвижные выставки. Благодаря ее стараниям музей стал центром культуры города Сычевки.

В это время в Смоленском областном музее создавались новые отделы, и Буркину перевели в Смоленск на должность научно-го сотрудника-экскурсовода.

Очень скоро коллеги по достоинству оценили ее эрудицию и блестящие организаторские способности. В феврале 1939 года она была назначена на должность заведующей историческим отделом, а в апреле 1941 года — заместителем директора по научной части. Стала признанным специалистом-музейщиком. Совместно с сотрудниками работала над объединением и систематизацией коллекций отделов, составлением единой книги учета. Разрабатывала экспедиции по области для сбора исто-

рических и этнографических материалов. При этом особое внимание уделяла работе музея со школами города и районов.

В первые же дни войны немецкие бомбы упали на Смоленск, Рославль и другие города области. В ночь с 28 на 29 июня вражеская авиация сбросила на областной центр, помимо тяжелых фугасов, и 2,5 тысячи зажигательных бомб. Центральная часть города превратилась в пылающий костер.

Комитеты по эвакуации занимались вывозом населения, в первую очередь детей, и материальных ценностей. За оперативное проведение этой работы Государственный Комитет Обороны объявил смоленскому обкому партии и облисполкому благодарность.

Руководство эвакуацией музеев было возложено на местные отделы народного образования. Но им было уже не до музеев. Спасение ценностей зависело от самих музейных работников. В первые дни войны почти все мужчины ушли на фронт; женщины, имевшие детей, после первых бомбежек уехали из города. Были приняты чрезвычайные меры по охране музеев. Из сотрудников были созданы санитарные и пожарные посты, которые несли круглосуточное дежурство. Днем музейщики уходили копать противотанковые рвы и сооружать взлетно-посадочные площадки на аэродромах.

Город бомбили все чаще, ожесточеннее, а от областных организаций никаких указаний не поступало. В ночь на 5 июля во время налета загорелась крыша Иоанно-Богословской церкви, где располагался исторический отдел. Пожар смогли потушить, но стало ясно, что промедление с вывозом коллекций приведет к их гибели.

5 июля 1941 года, после очередной маскированной бомбежки города Буркина разыскала заместителя председателя облисполкома А. Г. Соколова и попросила два вагона для эвакуации музейных ценностей. Выделили один товарный. Военская часть дала машину с раненым шофером. Началась спешная эвакуация, экспонаты возили днем и ночью в условиях почти непрерывных бомбежек. Вывозили коллекции только из трех отделов — из художественного и фондов — на автомобиле, из исторического — на телеге. Хрупкие предметы переносили на руках.

Экспонаты вынуждены были грузить навалом, без упаковки, наскоро завернув в ковры, чехлы, занавески, тряпки. В течение суток ценой невероятных усилий восемь сотрудников музея во главе с Буркиной загрузили вагон до потолка.

8 июля отправлялась последняя телега, загруженная узлами, свертками, корзинами, в которых находились мелкие предметы. Повозка только что переехала мост через Днепр, когда рядом раздался взрыв. Лошадь кинулась в сторону, с воза посыпалась поклажа, один узел развязался, и клады, в том числе чарочки, новгородские гривны, монеты-чешуйки рассыпались по дороге и смешались с пылью. Через мост сплошным потоком двигались машины, гнали скот, шли солдаты. Буркина бросилась к командиру, который вел группу солдат, с просьбой помочь собрать экспонаты. Она в отчаянии кричала, уговаривала, цеплялась за его руку, и он остановил двигающийся поток. Одни солдаты начали регулировать движение, другие выбирали из пыли музейное добро. Затем помогли уложить и увязать воз. Позднее в городе Горьком при пересчете эвакуированного сотрудники были потрясены: солдаты на дороге собрали все до единого предмета.

Какой же силой убеждения обладала эта невысокая хрупкая женщина, и какую ответственность за государственные ценности чувствовал командир, чтобы приостановить движение под бомбами по единственной дороге! И в дальнейшем бойцы Красной Армии не раз приходили на помощь Смоленскому музею при спасении ценностей.

Возникли сложности и с отправкой вагона, и только вмешательство члена Военного Совета генерал-майора А. А. Лобачова помогло прицепить вагон к эшелону с заводским оборудованием, когда паровоз уже стоял под парами. В ночь на 9 июля эшелон ушел на Восток. Долог и трагичен был путь в Горький (Нижний Новгород). 24 июля, преодолев все невзгоды, прибыли на место назначения. Город не принимал музей из-за перегруженности эвакуированными предприятиями, потоками людей. Музейное имущество выгрузили на открытую платформу, где оно находилось двое суток. За это время Буркина добилась встречи с секретарем обкома партии, после чего получила разрешение переехать в здание, где уже размещались вывезенные ленинградские музеи. Большую помощь в размещении коллекций и людей оказал А. П. Горчаков — директор Горьковского краеведческого музея.

В Горьком находились по ноябрь 1941 года. За это время разобрали экспонаты, уложили в ящики, картины вынули из рам и накатали на валы, составили опись. При подсчете выяснилось, что эвакуировано 26052 экспоната. Это были изделия из драгоценных металлов — кубки, жалованные

Новосибирский оперный театр, в здании которого в 1941–1943 гг. размещались эвакуированные коллекции Смоленского музея. Фото. 1945 г.

ковши, чарки, серьги, пуговицы, клады, культовые предметы, награды, оружие, документы, книги, свитки, а также живопись — 212 полотен, среди которых работы Серова, Айвазовского, Бенуа, Репина, произведения западных художников. Следует отметить, что даже в спешке старались вывезти самое ценное. Музей имел две работы И. К. Айвазовского, вывезли «Зимний обоз в пути», как наиболее редкую в его творчестве. Скульптуры взяли те, которые оказались под силу поднять женщинам.

Среди вывезенных скульптур работы Тома, Лансере, Муане, Клезанже, Леконта, Врубеля. С болью в душе многое пришлось оставить.

Из музея природы взяли только два чучела: енота уссурийского и выхуоли. Спасли и часть музейной документации, что послужило основой для составления списков потерь.

Жить сотрудникам в эвакуации было очень трудно. Зарплату не платили, из дома уехали в чем были, голодали. С коллекциями в Горьком осталась одна Буркина. По распоряжению Наркомпроса она должна была передать спасенные ценности Горьковскому краеведческому музею. Но поскольку была составлена только назывная опись, Буркина не соглашалась на передачу. Она опасалась, что без подробного описания вещей и без взвешивания изделий из драгметаллов коллекции Смоленского музея могут потерпеть урон или вообще быть утерянными. Свой отказ Буркина обосновала в письмах в Наркомпрос. И все же 28 октября передача была закончена. Сундуки и ящики опечатали печатью Горьковского музея. К этому времени военная обстановка резко обострилась, и

ценности надо было эвакуировать в глубь страны. Первого ноября Буркина получает распоряжение о сопровождении музейных коллекций на восток и одновременно назначается по совместительству и. о. директора Ленинградского музея этнографии. Сотрудники этого музея уехали в Ленинград за второй партией и не вернулись, с коллекциями остался один вахтер А. Н. Вихорев

Буркина подготовила к дальнейшей эвакуации имущество двух музеев: Смоленского и Ленинградского музея этнографии.

12 ноября 1941 года, согласно постановлению ГКО «Об отправке в тыл ценностей музеев, сосредоточенных в г. Горьком», эшелон из 50 вагонов с ценностями Ленинградских дворцов-музеев, Смоленского музея, Ленинградского музея этнографии, Горьковского художественного музея выехал в Новосибирск.

18 ноября ночью, во время движения, от искр из трубы паровоза загорелась крыша вагона, в котором ехали сопровождавшие ценности сотрудники. Пламя охватило крышу, в вагоне поднялась паника, кричали дети, плакали женщины. Самообладание и сила воли помогли Буркиной повлиять на людей и остановить панику. На полном ходу поезда Вихорев через окно поднялся на крышу вагона, ему подавали воду, одеяла. Огонь удалось погасить. За этот героический поступок Андрей Николаевич Вихорев получил от Наркомпроса благодарность. А Буркина в своем дневнике сделала запись: «Мы очень испугались не только за себя, но и особенно за вагоны, следовавшие за нами... не простил бы мне Смоленск, что я вывезла музейные сокровища из одного огня в другой. А самым

строгим судьей для себя была бы я сама. Смогла ли бы я тогда жить?...».

15 декабря прибыли в Новосибирск. Город эшелон не принял — это объясняли перегруженностью эвакуированной техникой и людьми. Двинулись дальше, в Томск. Ситуация повторилась. После телефонных переговоров с первым секретарем Новосибирского обкома партии 22 декабря 1941 года вновь прибыли в Новосибирск. Всего за сутки все имущество музеев перевезли в помещение Театра оперы и балета (Красный проспект, 38).

Переезды и разгрузка проводились в исключительно тяжелых условиях суровой зимы. Спешная эвакуация, неоднократные перегрузки, резкие перепады температуры, полуподвальные хранилища — все это отрицательно сказывалось на сохранности экспонатов. И, конечно, на здоровье людей.

Но самое трудное было еще впереди. Комитет по делам искусств вынес решение о передаче смоленских экспонатов на хранение сотруднице Горьковского художественного музея Г. А. Александровской, коллекции ленинградского музея этнографии — в ведение хранителя Ленинградских дворцов-музеев, а Буркиной и Вихореву было предписано выехать для нового трудоустройства. Буркина не подчинилась приказу, опротестовала его и поставила в известность о ситуации Наркомпрос РСФСР. Ее поступок шел вразрез с требованиями военного времени. И только безграничная вера в правоту своих действий помогла ей выстоять. Три месяца длилась борьба за музей. И вот 24 марта 1942 года пришла правительственная телеграмма из Наркомпроса. Коллекции Смоленского музея и Ленинградского музея этнографии перешли в ведение Новосибирского облоно, а Буркина и Вихорев оставлены их хранителями. Облоно взял на свой бюджет расходы по содержанию музея.

В эвакуации Буркина проводила и общественную работу: читала лекции, устраивала выставки, помогала местным музеям в создании экспозиций, вела кружок текущей политики для местного населения, летом работала в колхозе, даже была уполномоченной по вывозке сельскохозяйственной продукции.

В 1943 году состояние коллекций музея проверяла Р. П. Островская (жена писателя Н. А. Островского), она отметила образцовое хранение и учет коллекций Смоленского музея. В феврале 1943 года Буркина получила благодарность от народного комиссара просвещения В. П. Потемкина.

В марте того же года по вызову Смоленского облоно Ефросинья Васильевна приехала в город Кондрово. Перед ней были поставлены задачи по сбору материалов об Отечественной войне и по восстановлению музеев.

Вернувшись в Смоленск, спустя два дня после освобождения города 25 сентября 1943 года, записала в дневнике первое впечатление: «Город ... в руинах... Запах гари, дыма. Солдаты расчищали центральные улицы — Ленина и Советскую, убирали камни, завалы. Песком засыпали темные лужи крови... На гостинице «Смоленск» гордо трепещет красное знамя. На фоне страшных разрушений — это единственное, что радует глаз, вселяет уверенность в скорую победу... Через некоторое время это знамя мы снимем — будет уникальный экспонат...». Ефросинья Васильевна энергично взялась за восстановление музея: собирала уцелевшие экспонаты, ремонтировала здания, налаживала связь с воинскими частями и партизанскими штабами, проводила колоссальную собирательскую работу.

Прошел ровно год. 24 сентября 1944 года — открытие выставки «Великая Отечественная война на Смоленщине». В разрушенном, сожженном городе открытие выставки жители восприняли как праздник.

В июле 1945 года музейные ценности Смоленска после долгого отсутствия вернулись из Новосибирска. К этому времени Е. В. Буркина перешла в отдел архитектуры исполкома, стала заниматься охраной памятников. Читала лекции, выступала по радио. В 1946 году закончила книгу «Памятники архитектуры г. Смоленска».

В 1961 году судьба привела ее в театр, на должность директора Смоленского областного театра кукол. Неумность ее характера, страстность натуры проявились и здесь.

Но перенесенные невзгоды через два года заставили уйти на пенсию. 22 марта 1978 года ее не стало.

Похоронена Ефросинья Васильевна на старинном Тихвинском кладбище в Смоленске.

Вся жизнь Е. В. Буркиной — пример верности своему делу.

Настойчивая, инициативная, несмотря на лишения, голод, опасности, она сумела сохранить наиболее ценную часть экспонатов своего музея и Ленинградского музея этнографии.

Во время войны она часто слышала слова: «Спасибо за спасенное народное добро». Повторим и мы эти слова — и отдадим дань памяти этой удивительной женщине.